

Приближение экзаменационной поры повергло Гермиону в пучину небывалой тревоги. На самом деле её панические причитания не умолкали уже добрых полтора месяца, но чем ближе становился заветный срок, тем сильнее разыгрывался предэкзаменационный синдром. В конце концов её беспокойство начало отравлять жизнь всем окружающим. Первыми под раздачу попали Гарри и Рон, которых она безжалостно утащила в библиотеку, заставив зубрить занудную историю магии и, конечно же, заклинания.

— О Мерлин! — Гермиона резко вскинула голову от массивного фолианта. Её приглушённый, но преисполненный искреннего изумления голос заставил друзей вздрогнуть. На пожелтевших страницах она явно наткнулась на нечто по-настоящему пугающее.

— Что случилось, Гермиона? — шёпотом спросил Гарри.

Рон тоже вытянул шею, усердно пережёвывая тайком стянутую шоколадную лягушку. Весь рот его был перемазан шоколадом, о чём сам он, похоже, даже не подозревал.

— Гарри, ты знаешь, для чего может понадобиться кровь единорога? — Гермиона привычным жестом наложила заглушающее заклятие и чары против подслушивания. Этим полезным трюкам, идеально подходящим для библиотеки, её научил Перси.

— Понятия не имею, — изумился Гарри столь странному вопросу. — Я знаю только, что рог и волос единорога используют при изготовлении волшебных палочек. Ну и на зельеварении, кажется, они тоже нужны. Но кровь?.. Из неё что, тоже варят зелья?

— Вовсе нет! — решительно покачала головой Гермиона и, развернув к Гарри тяжёлый том, указала на строчки. — Я взяла это пособие, чтобы подготовиться к экзамену по уходу за магическими существами. Смотри, здесь сказано: убийство единорога навлекает страшное проклятие. На подобное чудовищное злодеяние может пойти лишь тот, кто лишился всего и отчаянно жаждет вернуть былую власть. Кровь единорога способна продлить жизнь, даже если человек находится на волосок от смерти, но за это придётся заплатить ужасную цену.

— Какую цену? — нетерпеливо спросил Рон.

— Полужизнь. Обречённое, жалкое существование. Даже если тебя спасут, ты останешься полутрупом, — Гермиона закатила глаза. — Но дело вовсе не в этом. Неужели вы до сих пор не сопоставили факты?

— Какие факты? — Гарри нахмурился, не понимая, к чему она клонит.

— В тот вечер в Запретном лесу мы видели существо, которое пыталось убить единорога ради его крови. Подумайте: кто в нашем мире лишился всего, но жаждет вернуть былое величие? И

кто согласится влачить полуживое существование, лишь бы не умирать?

Гермиона словно вспомнила о чём-то ещё. Она выхватила из рук Гарри учебник по заклинаниям, принялась лихорадочно перелистывать страницы и, наконец, наткнувшись на мелкую приписку на полях, тихо вздохнула:

— Ну конечно! Всё сходится.

— Да о чём ты, Гермиона? Что ты поняла? — Гарри окончательно запутался. Скользнув взглядом по развороту книги, которую она держала, он невольно прочитал вслух: — «Алхимия — искусство творения, основанное на принципе эквивалентного обмена, использующее магическую силу в сочетании с материальными компонентами для создания новых веществ. Зародившись благодаря магам со скромным магическим потенциалом, алхимия достигла расцвета в Средние века. Величайшим её творением считается Философский камень, дарующий бессмертие. Из-за невероятной сложности и секретности формулы единственным, кто сумел воссоздать его, остаётся великий алхимик Николас Фламель...» О Мерлин... Но откуда ты вообще это взяла?

— Скажи спасибо Рону и его аппетиту! Шоколадная лягушка напомнила мне, что Николас Фламель был не просто волшебником, а величайшим алхимиком! — Гермиона указала на карточку, которую Рон крутил в руках. — Но главное не в этом, Гарри. В книге «Всё о волшебных тварях» упоминается, что кровь единорога дарует лишь призрачную полужизнь. Но если при этом заполучить эликсир, способный полностью восстановить силу и магию, можно по-настоящему возродиться. А Философский камень как раз обладает такими свойствами! Он дарует бесконечные силы, возвращает магию и приносит бессмертие.

— То есть... ты хочешь сказать...

— Тот, кто пытается украсть Философский камень, и тот, кто охотился на единорога в лесу — одно и то же лицо. Ну, или как минимум они действуют заодно! — Гермиона пристально посмотрела на Гарри, подводя итог: — И этот некто мёртв... Хотя нет, не совсем мёртв. Правильнее сказать — он утасует, цепляется за край могилы, но отчаянно не хочет умирать!

— Но... кто это? — у Гарри внутри всё похолодело от дурного предчувствия. Ему показалось, будто какая-то важная деталь ускользает из его памяти.

— Моей первой мыслью был Тот-Кого-Нельзя-Называть, но ведь ты уничтожил его много лет назад. Так что я ума не приложу, о ком речь, — Гермиона разочарованно покачала головой.

— Нет, он не погиб, — глухо произнёс Гарри. — Распределяющая шляпа... Понимаешь, в этом семестре Дамблдор часто приглашал меня к себе. Я подружился и с Фоуксом, и со Шляпой. Так вот, она как-то обмолвилась, что Тот-Кого-Нельзя-Называть просто... исчез. Дамблдор говорит то же самое. Но ни один из них ни разу не утверждал, что он мёртв.

— И всё же вряд ли это он, — заупрямилась Гермиона. — Он ни за что не осмелился бы сунуться в Хогвартс, пока здесь Дамблдор.

Она на секунду замолчала, а потом недоуменно посмотрела на друзей:

— Но послушайте... Вы ведь помните ту ночь в лесу? Точнее, самую её развязку... Я совершенно не помню, как отключилась. Помню только, что увидела раненого единорога, а очнулась уже в больничном крыле. В моей памяти — абсолютная пустота относительно того, как мы все трое потеряли сознание!

— А вот об этом я как раз могу рассказать! — с лёгким превосходством ухмыльнулся Рон. В ту ночь он ходил с Хагридом, так что Обливиэт кентавров его не коснулся. — Вы истошно закричали. Мы с Хагридом и Клыком тут же бросились на крик. Когда прибежали, вы уже лежали без чувств на земле. Совсем рядом была раненая серебряная туша, а над вами стоял кентавр. Хагрид спросил, что произошло, и тот ответил, что вы пытались защитить единорога и просто израсходовали всю свою магию до капли.

— О Мерлин, Рон, это нам и так известно! — Гермиона в очередной раз закатила глаза. — Нестыковка в другом: мы не помним, как именно защищали животное и из-за чего исчерпали резервы. Если мы оберегали единорога, сам он напасть на нас не мог. Против кого же мы тогда применяли палочки? И потом — мы ведь первокурсники, знаем от силы пять простейших заклинаний. Сколько раз нам нужно было их сотворить, чтобы полностью лишиться сил? Почему нас не вывели из строя в процессе? Версия о том, что нас просто оглушили заклятием, выглядит куда правдоподобнее этой басни про магическое истощение.

Гарри ошеломлённо замолчал. Слова Гермионы попали в самую точку. Попытавшись вновь воскресить в памяти события той злополучной ночи, он осознал, насколько всё это неестественно. Очевидно, кто-то применил Заклятие забвения. Кто-то очень не хотел, чтобы они помнили подробности случившегося.

В наступившей тишине к их столу внезапно подбежал взбудораженный Невилл. Гермиона молниеносно сняла Заглушающее заклятие, втащила запыхавшегося однокурсника в их тесный круг и мгновенно восстановила его.

— Невилл, что стряслось? На тебе лица нет, — встревоженно спросила Гермиона.

— Гермиона... я... я знаю... В тот день... это был... — Невилл задыхался от быстрого бега, и эта одышка мешала ему связать и пару слов. Поняв, что говорить толком не может, он дрожащими пальцами вытащил из кармана небольшую гранёную пластинку записывающего кристалла и протянул её ребятам. — Я... я жутко боялся заблудиться по дороге назад в замок... И тайно активировал... ну, запись. Он всё запечатлел... ту ночь... Смотрите сами... там...

— Так, Невилл, сядь и отдышись, мы сами во всём разберёмся, — Гермиона мягко усадила тяжело дышащего мальчика на свободный стул.

Она бережно взяла кристалл и направила в него тонкую струйку собственной магии. Спустя мгновение прямо над гладкой гранью кристалла соткалась полупрозрачная, слегка мерцающая проекция.

Вначале, как и говорил Лонгботтом, на записи виднелась лишь серая, унылая тропинка — их путь из замка к опушке Запретного леса. В тусклых сумерках едва угадывались очертания деревьев, и если бы не тихий шорох шагов и сухой хруст веток, картинка казалась бы статичной.

Затем изображение качнулось: на земле блеснули серебристые капли крови. На записи промелькнул момент, когда Хагрид распределил их по парам: они с Роном и Клыком ушли в одну сторону, Невилл с Гермионой — во вторую, а Гарри с Драко — в третью.

Пробираться сквозь лесную чащу было невероятно тяжело. Вот Невилл, не заметив выступающий корень, неловко растянулся на земле. Картинка качнулась, но затем снова выровнялась. Проекция зафиксировала густые лужицы серебряной крови; ребята медленно сходили с тропы, углубляясь в чащу. Вдруг среди ветвей показался смутный тёмный силуэт, склонившийся над раненым единорогом. Из-за деревьев выскочил Гарри и выкрикнул: «Петрификус Тоталус!», однако заклятие сработало слабо, лишь на секунду заставив фигуру в плаще покачнуться. Это лишь разъярило её, и тварь рванулась вперёд, преграждая путь Гермионе, которая отчаянно пыталась заслонить собой израненное животное.

Тёмная фигура беззвучно взмахнула палочкой, посылая в девочку и единорога заклятие, но в то же мгновение из-под мантии Гермионы вырвалось яркое серебристо-зелёное сияние. Она лихорадочно вытащила из кармана клочок пергамента — обычную с виду записку. Однако начертанные на ней руны вспыхнули ослепительным серебряным блеском, соткав защитный купол, о который разбилась атака неизвестного.

— О боже! Это же та записка, которую я потом так долго не могла найти! — потрясённо прошептала Гермиона. — Новогодний подарок от Пана. Мне так понравились изящные эльфийские символы, что я носила её с собой, надеясь когда-нибудь скопировать...

Ребята заворожённо уставились на проекцию, боясь упустить хоть одну деталь происходящего на записи.

На экране защитное сияние начало стремительно угасать — магический заряд рун иссякал. Почуввав слабость, тварь ринулась на детей. На записи было видно, как Невилл самоотверженно шагнул вперёд, заслоняя собой Гермиону, и тут же рухнул на землю. Судя по его широко распахнутым, полным ужаса глазам, он всё ещё оставался в сознании. Рядом Гарри, согнувшись пополам, судорожно прижимал ладони к лицу — его явно терзала невыносимая боль. Лишь Драко не сдавался, упрямо выкрикивая одно парализующее заклятие за другим, пытаясь удержать нападающего на расстоянии.

Вдруг откуда-то со стороны зазвучал чистый, звонкий голос, нараспев произносящий древние слова:

— Losto Caradhras! — «Спи, Карадрас!» — разнеслось под сводами леса.

— Cuiva nwalca Carnirass an euml! — «Пробудись, жестокий Карнирас!»

Вспыхнула ослепительная серебряная сеть, накрыв четверых детей и мягко опустив их на землю без чувств. Одновременно с этим сокрушительный луч чистой серебряной энергии ударил прямо в чёрную фигуру, заставив её сдавленно вскрикнуть от боли и осесть на колени.

Из-за того что Невилл упал, кристалл замер на месте, уставившись в одну точку. Дальнейшие события скрылись из виду, в кадр попадал лишь колышущийся край подола чёрной мантии. Однако звук продолжал записываться.

— Draco Dormiens Nunquam Titillendus! — прозвучал тот же величественный голос. — Не будите спящего дракона! Убирайся! Прочь отсюда, незваный гость!

Раздался шорох торопливых шагов — фигура в плаще поспешно скрылась во тьме, едва не задев лежащих детей. Наступила затяжная, звенящая тишина. Кристалл начал терять энергию, проецируемое изображение тускнело и размывалось, пока окончательно не погасло. И лишь в самую последнюю секунду сквозь белый шум едва различимо пробился тихий, усталый вздох, сложившийся в одно короткое слово: «Пан».

— Обалдеть... Что это за заклинания такие? — Рон, как обычно, упустил самое важное, заворожённый небывалым могуществом неизвестного спасителя, чьи чары превосходили всё, о чём он когда-либо слышал.

— Это эльфийский язык, — машинально ответила Гермиона, но тут же сердито тряхнула головой: — Мерлин, Рон, да не в этом же суть! Главное... главное...

— Главное — это был Пан, — закончил за неё Гарри.

— Да, именно! Голос в самом конце... он ведь отчётливо произнёс «Пан»! Это наверняка было имя того, кто сотворил те сложнейшие заклинания!

— Подумаешь, имя! — Рон скептически хмыкнул и закатил глаза. — Пандра Доро, Пэнси Паркинсон, Панлари Брайант... Да этих «Панов» в магическом мире пруд пруди!

— Да, только ни один из них не знает эльфийского! — Гермиона резко обернулась к Рону, она стала предельно серьёзной. — Единственный, кто хоть как-то связан с эльфийской культурой и древним языком в Хогвартсе — это Пан Джесас!

— О нет... Ты думаешь на этого слизеринца? — ахнул Рон. После истории с Драко Малфоем у него не осталось ни капли доверия к змеиному факультету, а уж Пан, лучший друг Малфоя, в глазах Рона априори не мог быть положительным персонажем.

— Лишился всего, но отчаянно жаждет вернуть былое... Пьёт кровь единорога, чтобы продлить угасающую жизнь... Стремится украсть Философский камень, чтобы... — тихо, словно в трансе, бормотал Гарри. Пазл в его голове стремительно складывался, открывая жуткую, невероятную картину. Тот тёмный силуэт в лесу... Неужели Гермиона права, и это действительно...

— Гарри, о чём ты вообще шепчешь? — Рон отмахнулся от Гермионы. Ему давно казалось, что та испытывает к загадочному слизеринцу какое-то ненормальное благоговение, хотя, справедливости ради, в некоторых вещах Джесас действительно соображал куда быстрее. — Нам нужно срочно отнести этот кристалл Дамблдору!

— Нет! — мгновенно отрезала Гермиона, хотя и сама не смогла бы объяснить причину столь резкого протеста.

— Это был Волдеморт.

Гарри произнёс это имя глухо, без всякого вступления.

Рон испуганно вздрогнул, его затрясло от одного только звука запретных слогов:

— Гарри... во имя Мерлина, что ты такое несешь?!

— Я всё вспомнил! В ту ночь, когда я закричал, то существо отпустило единорога. Оно... оно хотело прикончить меня! — Гарри неосознанно прижал ладонь к шраму на лбу. — Это он. Волдеморт вернулся!

— Гарри, умоляю, прекрати называть его по имени! — в панике зашипел Рон.

— Ещё на праздничном банкете в честь начала года мой шрам дико разболелся. Помнишь? Я тогда посмотрел на Снейпа. Стоило ему направить на меня свой взгляд, как лоб обожгло словно раскалённым железом! — Гарри в упор посмотрел на Рона. — Это Снейп. Снейп пытается украсть Философский камень для него!

— Ха! Ну конечно! Я же с самого начала говорил, что эта сальная летучая мышь задумала недоброе! — Рон торжествующе улыбнулся, польщённый тем, что его давние подозрения подтвердились. — Мы обязаны ему помешать! Если Снейп не доберётся до камня, Сами-Знаете-Кто никогда не вернёт себе физическое тело. Кровь единорога он так и не заполучил, а значит, теперь его песенка спета!

— Но как нам защитить камень? Мы ведь даже не знаем, когда он решится на кражу. И... Мерлин, мы же просто первокурсники, нам ни за что не одолеть Снейпа в открытом бою! Нам точно нужно отдать кристалл директору!

— Нет! — в один голос выкрикнули Гарри и Гермиона.

— Мы не можем подставить Пана! — горячо возразил Гарри. — Он спас наши жизни. Если мы покажем запись Дамблдору, Пана просто вышвырнут из школы. Профессор Макгонагалл ясно дала понять: любого, кто посмеет сунуться в Запретный лес, ждёт немедленное отчисление. Пан пошёл туда только из-за нас, он не должен страдать.

— Ладно, ладно, сдаюсь, — примирительно поднял руки Рон. — И что ты предлагаешь?

— Снейп нанесёт удар, когда Дамблдора не будет в замке! — уверенно произнесла Гермиона. — Тот-Кого-Нельзя-Называть смертельно боится директора. Пока Дамблдор здесь, они не посмеют сунуться. Значит, нужно ловить момент, когда он уедет. И... мы могли бы позвать на помощь Пана!

Гермиона пристально посмотрела на друзей:

— Я абсолютно уверена, что на записи его голос. Это сто процентов он! Да и кто ещё в школе знает эльфийский? Профессор Бабблинг из кабинета древних рун уж точно не стала бы бродить ночью по лесу, к тому же её имя начинается совсем на другую букву. Пан невероятно силён. Вы же видели: его защитные руны на простом листке бумаги смогли выдержать натиск того чудовища!

— Но он же слизеринец! — запротестовал Рон. — Он дружит с Малфоем и постоянно крутится возле Снейпа!

— Рон, это просто глупые предрассудки! Будь он тёмным магом, он бы никогда не подарил мне записку с защитным барьером. С его силой он мог подсунуть мне любое проклятие, и никто из нас даже не заметил бы подвоха. Но он спас нас! — Гермиона упрямо посмотрела на Гарри, надеясь найти в нём союзника.

— Нет, звать его нельзя, — отрезал Гарри. — Мы не можем быть уверены, что он тут же обо всём не доложит Снейпу. Пан слишком уважает своего декана. Мы просто не имеем права так рисковать.

Гермиона некоторое время молча смотрела на Гарри, взвешивая его доводы, и в конце концов неохотно кивнула:

— Ладно... Но я по-прежнему убеждена, что Пан на нашей стороне. И защитные руны — лучшее тому доказательство.

— Да-да, мы обязательно докажем его невиновность! Клянусь честью Уизли! — не удержался от едкого сарказма Рон.